

— Госпожа, вы так правдоподобно сыграли, что хозяин чуть было не бросился вас поддерживать, — прошептала матушка Сюй, меняя чай в пиале Сяо Лань.

Ей хотелось приготовить для госпожи что-нибудь посытнее — хорошо бы подошли рыбный суп или крабовое мясо, — но, зная нынешнее положение в усадьбе, она могла лишь велеть Моли принести из кухни миску каши.

— Это была не игра... — Сяо Лань горько усмехнулась. Она чувствовала себя по-настоящему слабой. — Матушка Сюй, принесите бумагу и кисть, я хочу кое-что записать.

— Госпоже сейчас нужно как следует отдохнуть. Хозяин сегодня вряд ли заглянет, напишете в другой раз, — возразила матушка Сюй. Она решила, что Сяо Лань хочет попрактиковаться в стихосложении, чтобы угодить вкусам мужа и заставить его снова полюбить её.

Сяо Лань не знала, о чём грезит матушка Сюй, и её слова показались ей странными. Ей нужна была бумага лишь для того, чтобы систематизировать воспоминания прежней хозяйки тела и разобраться в людях. Однако совет матушки был уместен: сил у неё действительно почти не осталось.

Когда Моли вернулась, её глаза сияли от радости — она принесла два трёхъярусных пищевых короба. Стоило их открыть, как стол заполнился яствами: фрукты, овощи, рыбные котлеты, курятина — всего было вдоволь.

Матушка Сюй в изумлении посмотрела на Сяо Лань, но та осталась равнодушна. В конце концов, то, что она сегодня пошла на уступки, было лишь началом.

Сяо Лань ела всё подряд, не ограничивая себя, но матушка Сюй, стоявшая рядом, не позволяла ей переедать. Остатки еды она велела Моли разделить с Хайтан.

Сяо Лань задумалась, что же за лекарство впихнула ей в рот матушка Юй. Тогда та действовала так отчаянно, будто хотела её отравить, но, судя по всему, снадобье лишь погрузило её в глубокий сон на несколько дней.

Поразмыслив, она всё же попросила у матушки Сюй письменные принадлежности, села за стол и начала писать. Приняв решение, Сяо Лань быстро закончила письмо — не прошло и четверти часа.

— Матушка Сюй, помогите мне передать это в усадьбу Сяо, — Сяо Лань протянула ей послание.

— Это... боюсь, отправить его не получится, — матушка Сюй знала грамоту лишь поверхностно и не понимала, что именно написала госпожа. Наверняка это была мольба о помощи.

— Придумайте что-нибудь, только сделайте так, чтобы никто не заметил.

Матушка Сюй оказалась в затруднительном положении, но ради госпожи она была готова рискнуть.

В последующие дни жизнь Сяо Лань наладилась. Хотя она по-прежнему не могла покинуть поместье Сунь, в её комнате больше не было недостатка в еде и одежде — что бы она ни пожелала, всё появлялось на столе.

Сяо Лань часто носила вкусности Синь'эр. Увидев, что девочка чувствует себя неплохо, хоть и пребывает в унынии, она наконец успокоилась. Лишь после того, как Сяо Лань неоднократно пообещала, что поправится и обязательно заберёт её, Синь'эр неохотно отпустила её.

Цуйчжу при виде Сяо Лань всякий раз бледнела, словно встретила призрака. Ведь лекарь Ван поклялся, что через три дня после приёма пилюли та непременно умрёт от острого недуга, а Сяо Лань не только не выглядела больной, но и начала розоветь.

По реакции Цуйчжу Сяо Лань поняла, что красная пилюля действительно должна была стать смертельной. Она радовалась, что выжила, и размышляла, был ли её сон реальностью и можно ли туда вернуться. Впрочем, она тут же отбросила эти мысли — проверять такие вещи ценой собственной жизни она не хотела, по крайней мере, пока.

В отличие от спокойной Сяо Лань, матушка Сюй из-за письма места себе не находила. Три дня она пыталась его передать, но безуспешно. И хотя госпожа её не торопила, она винила себя в нерасторопности.

В тот день, уложив Сяо Лань спать, она тайком пробралась из двора, прижимая письмо к груди. Она разузнала, что в это время хозяин развлекается с наложницей Хэ, а старая госпожа и матушка Юй отдыхают, так что в усадьбе остались лишь слуги на побегушках, которым до неё не было дела.

Спрятавшись за колонной, матушка Сюй подала знак мальчишке-слуге, который подметал двор, и, дождавшись его, поспешила к задней калитке. Она потратила несколько дней, чтобы подкупить этого парня, дабы тот отвлёк стражу.

Увидев, что калитка открылась, матушка Сюй обрадовалась и уже собралась выскользнуть наружу, как вдруг её напугал шум за спиной. Она обернулась.

Фан Цинцин гналась за Сунь Цзие, а тот громко хохотал, убегая и прячась.

— Ребёнка крадут! Ребёнка крадут! — закричала Фан Цинцин.

Не успела матушка Сюй сделать и шага, как Фан Цинцин с нечеловеческой силой вцепилась в

неё. Глаза безумной были красными, впалыми, лицо вымазано то ли румянами, то ли помадой, а на ней были лохмотья.

Слуга, увидев, что дело принимает скверный оборот, запер калитку и бросился наутёк, оставив матушку Сюй наедине с обезумевшей женщиной.

— Наложница Фан, что вы делаете? Не узнаете меня? Я матушка Сюй! Отпустите! — кричала та, пытаясь вырваться, но не понимала, откуда у этой полубезумной женщины взялась такая сила.

Видя, как слуга запирает дверь и убегает, матушка Сюй горько заплакала — столько трудов пошло насмарку!

Фан Цинцин потащила её к центру двора.

— Где мой Цзие? Где мой сын? Сыночек мой! — вопила она, волоча матушку Сюй так, что та спотыкалась и сбивала ноги в кровь.

Сунь Цзие с ехидной улыбкой следовал за ними, то и дело приказывая Цзывэй тоже спрятаться.

Сунь Шаохуа, обнимая наложницу Хэ, любовался её прекрасным лицом и читал стихи, но крики Фан Цинцин прервали их идиллию. Он позвал служанку, чтобы та разобралась, но наложница Хэ опередила его:

— Хозяин, наложница Фан вечно пугает меня своим безумием. В прошлый раз, когда мне стало дурно, это из-за неё, — голос наложницы Хэ был сладок, как мёд, и даже её жалобы завораживали Сунь Шаохуа.

— Нужно было держать её взаперти, как она снова выбралась? Опять напугала мою драгоценную, — проворчал он.

— Мне так страшно... — наложница Хэ провела пальцем по его подбородку.

— Не бойся, не бойся... Если бы не Цзие, я бы давно её выгнал.

— Цзие всё равно её не любит.

— Хозяин! Наложница Фан схватила матушку Сюй и не отпускает, никак не разнять! — вбежала служанка.

— Схватила матушку Сюй? — удивился Сунь Шаохуа.

— Кричит, что та крадёт ребёнка... Там настоящий переполох!

— Одна безумная, другая старая баба, и вы не можете их разнять? — Сунь Шаохуа наконец поднялся.

— Маленький господин тоже в этом замешан!

— Что?

Когда Сунь Шаохуа вышел, он увидел, что растрёпанная Фан Цинцин вцепилась в волосы матушки Сюй, а Сунь Цзие хлопает в ладоши, не давая слугам вмешаться — он наслаждался зрелищем.

Сунь Шаохуа схватил озорника и оттащил в сторону, но в этот момент Цзывэй тихо прошептала ему что-то на ухо. Взгляд Сунь Шаохуа помрачнел. Он рявкнул на слуг, чтобы те растащили женщин, и приказал запереть Фан Цинцин обратно.

Однако матушке Сюй уйти он не позволил.

— Матушка Сюй, что вы делали у задней калитки? — его голос звучал ледяным холодом.

Матушка Сюй молчала, крепко прижимая руки к груди.

Сунь Шаохуа холодно усмехнулся:

— Обыскать её!

<http://bllate.org/book/21470/2196838>